

К.Д. Кавелин

**Взгляд на историческое развитие русского
порядка законного наследования**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К.Д. Кавелин**
Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования / К.Д. Кавелин – М.: Книга по Требованию, 2017. – 88 с.

ISBN 978-5-518-08495-7

ISBN 978-5-518-08495-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Исторія законнаго наслѣдованія въ Россіи очень спутана и безсвязна. Изъ всего періода времени до XVII вѣка до насъ дошли объ ней одни лишь отрывочные факты различныхъ эпохъ общественнаго развитія, загадочные памятники историческаго процесса, смыслъ котораго еще не разгаданъ. Отсутствие послѣдовательности между началами нашего древнѣйшаго законнаго наслѣдованія по различнымъ редакціямъ Русской Правды признаетъ даже профессоръ Неволинъ, всегда осторожный въ своихъ выводахъ, и объясняетъ это глубокимъ потрясеніемъ родоваго быта въ нашей частной и общественной жизни въ періодъ междоусобій по смерти Ярослава. Но не въ одной Русской Правдѣ видна такая непослѣдовательность; она замѣчается при сравненіи Судебниковъ съ Русскою Правдою, и ихъ съ Псковскою Судною Грамотою; законы царя Ивана Васильевича о наслѣдованіи точно также стоятъ особнякомъ въ сравненіи съ предыдущими и послѣдующими постановленіями. Только съ начала XVII вѣка наша исторія законнаго наслѣдованія становится яснѣе и понятнѣе.

Профессоръ Неволинъ изложилъ полную исторію нашего наслѣдственнаго права въ третьемъ томѣ своей «Исторіи Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ». Обладая изумительною начитанностью, онъ свелъ всѣ данныя, всѣ отрывочныя извѣстія о наслѣдованіи въ одно цѣлое, подробно обслѣдовалъ ихъ, сравнилъ между собою и воспользовался всѣми, даже повидимому маловажными намеками источниковъ, для объясненія древнихъ постановленій. Трудъ, имъ совершенный, есть въ полномъ смыслѣ слова ученый подвигъ, къ сожалѣнію и до сихъ еще поръ не оцѣненный по достоинству; онъ служить и долго еще будетъ служить основаніемъ и исходною точкою при всѣхъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ. Но, отдавая полную справедливость ученымъ заслугамъ автора, нельзя вполнѣ согласиться со всѣми его выводами. Будучи по преимуществу легистомъ, профессоръ Неволинъ всюду старался отыскать и возстановить непосредственную связь между законами. Такая метода изслѣдованія вполнѣ достигаетъ своей цѣли въ примѣненіи къ римскому праву и тѣмъ новѣйшимъ законодательствамъ, въ которыхъ юридическія начала уже вполнѣ установились и выяснились, но она очевидно недостаточна при изученіи такихъ историческихъ эпохъ, когда обычай служитъ закономъ, а законъ писанный лишь измѣняетъ и дополняетъ обычай, и потому

представляет одни отрывочныя правила, неимѣющія между собою непосредственнаго отношенія; когда юридическія начала еще не опредѣлились, находятся еще въ нестройномъ смѣшеніи и вслѣдствіе того, не имѣя возможности развиваться самостоятельно и послѣдовательно, оказываютъ непрерывное вліяніе другъ на друга, въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Для изученія такихъ эпохъ нужна другая метода; необходимо вглядѣться во всю совокупность быта, посреди котораго возникаютъ изслѣдуемые отрывочныя юридическіе факты, и въ немъ, чрезъ него, искать между ними единства, за недостаткомъ непосредственной связи. Вотъ путь, на который должны, какъ мнѣ кажется, ступить рано или поздно и изслѣдователи древняго нашего права. Послѣдующее изложеніе есть ни что иное, какъ попытка объяснить, съ этой точки зрѣнія, историческое развитіе нашего порядка законнаго наследованія.

Разсмотримъ сначала тѣ условія быта, подъ вліяніемъ которыхъ сложился порядокъ наследованія по закону въ древней Россіи, именно: постепенное развитіе у насъ общественной, поземельной собственности и рода или семьи, въ разныя эпохи нашей исторіи.

Древнѣйшія письменныя извѣстія о нашемъ *внутреннемъ бытѣ* чрезвычайно скудны и не даютъ объ немъ никакого опредѣленнаго понятія, но соображая ихъ съ послѣдующимъ, съ воспоминаніями, сохранившимися до сихъ поръ въ живыхъ памятникахъ народной жизни — обычаяхъ и обрядахъ, съ древнѣйшимъ бытомъ другихъ народовъ и съ выводами науки о постепенномъ развитіи человѣческихъ обществъ, мы можемъ до нѣкоторой степени пополнить этотъ важный пробѣлъ и уяснить себѣ если не подробности, то хотя главныя черты первоначальнаго быта, изъ которыхъ развилась послѣдующая общественность, болѣе или менѣе намъ извѣстная по несомнѣннымъ источникамъ.

Наши отдаленнѣйшіе предки, подобно всѣмъ народамъ, начавшимъ свою жизнь съ первой ступени общественности, по всѣмъ вѣроятіямъ жили сперва отдѣльными родами и семьями. До образованія общественныхъ союзовъ, въ этихъ родахъ и семьяхъ сосредоточивалась вся частная и общественная жизнь. Имѣя естественную основу, тогдашніе роды или семьи, въ то же время, представляли, каждый отдѣльно, маленькія государства, съ домовладыками въ челѣ, съ гражданами въ лицѣ чадъ и до-

мочадцевъ, которые или были рождены въ семьѣ, или поступали въ нее со стороны, кто добровольно, кто вслѣдствіе покупки и плѣна. Какъ у всѣхъ народовъ, такъ вѣроятно и у насъ, эти микроскопическія общественныя единицы, эти зародыши послѣдующей гражданственности, не имѣли сначала внутри себя строгихъ опредѣленій. Лицо терялось и ступшеывалось въ общности семьи; природныя влеченія слабо сдерживались неустановившимися задатками юридическихъ обычаевъ, представляющихъ первую попытку придать разумность грубымъ инстинктамъ.

Впослѣдствіи этотъ древнѣйшій бытъ вездѣ, мало по малу, измѣнился и принялъ другой видъ. Тоже, кажется, произошло и у насъ. Общественные союзы, составленные изъ родовъ и семей заступили мѣсто прежней обособленной, разрозненной родовой жизни. Какимъ образомъ это сдѣлалось? Поводы могли быть самые разнообразныя; здѣсь родъ или семья разросся и распался на отдѣльныя семьи и роды, сохранившіе преданія о единствѣ своего происхожденія и привычку жить вмѣстѣ; тамъ сосѣдство, общія нужды, потребности, занятія, вышняя опасность могли сблизить и сглотить семьи и роды, не имѣвшіе прежде ничего общаго между собою, въ одинъ общій союзъ. Какъ бы то ни было, но сожителство семей и родовъ въ отдаленныя времена, при первомъ своемъ возникновеніи и долго послѣ, должно было болѣе походить на международный союзъ, чѣмъ на гражданское общество въ теперешнемъ смыслѣ. Сойдясь въ миръ и любовь, роды и семьи первоначально, какъ кажется, сохраняли внутри себя ту же независимость, тотъ же политическій характеръ и значеніе, какъ и прежде, когда жили разрозненно. Только дѣла общія всѣмъ, касавшіяся цѣлаго союза, дѣлались собща, представителями всѣхъ родовъ и семей. Сохранившійся и до сихъ поръ у насъ мѣстами мірской порядокъ управленія посредствомъ домохозяевъ и стариковъ вѣроятно имѣетъ многія общія черты съ устройствомъ первоначальныхъ міровъ, и быть можетъ ведется по преданію изъ глубокой древности.

Въ такомъ-то, кажется, состояніи застали насъ варяго-русскіе князья, пришедшіе съ своими дружинами, хотя, разумѣется, нельзя опредѣлвть, когда именно начался у нашихъ предковъ новый бытъ и въ какой мѣрѣ онъ успѣлъ повсемѣстно установиться и окрѣпнуть ко времени прибытія Рюрика съ

братьями. Всего вѣроятно, что тогда, какъ и теперь, общественная жизнь представляла въ различныхъ мѣстностяхъ много разныхъ ступеней и оттѣнковъ; но мѣстами союзный бытъ по-видимому уже пустилъ глубокіе корни, особливо судя по преданію объ обстоятельствахъ, побудившихъ нашихъ предковъ призвать къ себѣ иноземныхъ властителей.

Варяго-русскія дружины, господствуя у насъ слишкомъ полтораста лѣтъ, не произвели существенныхъ измѣненій въ этнографическихъ элементахъ тогдашней Россіи, но дали тамъ гдѣ утвердился новый видъ общественной жизни. Независимые общественные союзы покорились имъ, и утративъ постепенно свою самостоятельность и значеніе, сошли на второй планъ. Вся государственная власть и политическая жизнь сосредоточились въ дружинахъ и ихъ предводителяхъ, варяго-русскихъ князьяхъ; а къ концу варяго-русскаго періода, когда христіанская вѣра водворилась въ Россіи, къ двигателямъ и представителямъ тогдашней общественной и политической жизни Россіи присоединилась еще и Церковь.

Этотъ строй составныхъ элементовъ нашей общественности сохранился въ главныхъ чертахъ, съ временными колебаніями и частными уклоненіями, чрезъ всю нашу исторію до XIX вѣка, несмотря на то, что варяго-руссѣ уже при Ярославѣ совсѣмъ исчезли, а греческое духовенство, хотя и гораздо позднѣе, замѣнилось русскимъ.

Иначе поставились общественные элементы тамъ, гдѣ варяго-русскія дружины не успѣли прочно утвердиться, именно, на сѣверѣ Россіи. Здѣсь нѣкоторые общественные союзы сохранили свою самостоятельность и потому остались центрами государственной и политической жизни, до присоединенія ихъ къ московскому государству.

Различныя комбинаціи составныхъ частей общественной жизни произвели различія и въ частномъ гражданскомъ быту. Въ независимыхъ сѣверныхъ общинахъ принадлежащія къ нимъ роды и семьи сохранили *право собственности* на свои земли; въ остальной же Россіи поземельная собственность сосредоточилась въ рукахъ князей, церкви, приближенныхъ и слугъ княжескихъ. Последніе, безъ сомнѣнія, могли сначала принадлежать къ семьямъ и родамъ, входившимъ въ составъ прежнихъ независимыхъ общественныхъ союзовъ, даже могли удерживать за собою свою старинную поземельную собственность; но мѣрило ихъ по-

земельныхъ правъ стало постепенно зависѣть отъ княжеской службы и милости. Вся послѣдующая исторія поземельнаго владѣнія и собственности въ княжествахъ, московскомъ государствѣ и россійской имперіи точно также опредѣлилась развитіемъ и взаимными отношеніями тѣхъ элементовъ, въ которыхъ сосредоточивалась государственная и политическая жизнь Россіи. Сначала весь княжескій Рюриковъ родъ былъ наследственнымъ обладателемъ земли русской, но члены его не имѣли права наследственной собственности на ту или другую часть ея, и перемѣняли свои владѣнія по особенному порядку старшинства и преемственности; однако вскорѣ это стало измѣняться; Россія раздѣлилась на отдѣльные княжества, наследственные въ однихъ и тѣхъ же княжескихъ линіяхъ; княжества, въ свою очередь, стали подраздѣляться на болѣе дробныя части; наконецъ, княжескія владѣнія, потерявъ государственный характеръ, обратились въ частную собственность, съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ державныхъ правъ, зависѣвшихъ отъ личности владѣльцевъ, потомковъ владѣтельныхъ князей.

Другое значеніе имѣли сначала поземельныя права членовъ княжеской дружины и княжескихъ слугъ. Эти лица получали отъ князей города и области въ управленіе, очень похожее на владѣніе; или имъ давались земли въ личную, иногда и наследственную собственность. Такъ какъ государственный и частный элементы не были въ то время строго различены между собою, то эти разные виды поземельныхъ правъ были очень похожи другъ на друга и отличались отъ княжескаго владѣнія только тѣмъ, что владѣтельные князья были самостоятельными владѣльцами, а члены княжескихъ дружинъ и слуги князей находились, относительно поземельныхъ своихъ правъ, въ зависимости отъ князей. Это первоначальное различіе, съ постепеннымъ развитіемъ московскаго единодержавія, должно было мало по малу измѣниться. Удѣльные князья, сдѣлавшись подданными московскихъ великихъ князей и государей, лично и по своимъ поземельнымъ правамъ уравнились съ прочими ихъ слугами. Многіе владѣтельные князья оставляли свои удѣлы и, вступая въ службу къ великимъ князьямъ и государямъ московскимъ, были пожалованы отъ нихъ владѣніями, которыя ничѣмъ не отличались отъ владѣній прочихъ великокняжескихъ слугъ. Такимъ образомъ, къ тому времени, когда окончательно установилось московское единодержавіе, различіе между поземельными

правами князей и прочихъ лицъ должно было совершенно сгладиться и исчезнуть.

Новый порядокъ дѣлъ, возникшій въ Россіи съ уничтоженіемъ удѣловъ, не благопріятствовалъ развитію частной поземельной собственности. Типъ вотчинника лежалъ въ основаніи государственной власти, и этотъ типъ не допускалъ правильнаго разграниченія сферы государственной и гражданской; званіе слуги обняло всю общественную и всю частную жизнь, со всѣми ея сторонами. Черезъ лицо власть простиралась и на его собственность. Оттого нерасположеніе самыхъ яркихъ, типическихъ представителей московскаго самодержавія, каковъ былъ, на примѣръ, царь Иванъ Васильевичъ, къ упроченію поземельныхъ владѣній въ однихъ и тѣхъ же княжескихъ и служилыхъ родахъ, чему въ его время, конечно, могли способствовать и политическія причины. Дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ по русской исторіи предстоить еще рѣшить вопросъ, не было-ли установленіе помѣстной системы плодомъ тѣхъ же стремленій удержать поземельную собственность за государями, предоставляя служилымъ людямъ одно лишь временное пользованіе ею во все продолженіе службы. Въ XVII вѣкѣ начало это только смягчилось нѣсколько въ своихъ приложеніяхъ, но въ существѣ осталось то же. Этимъ объясняется взаимное отношеніе вотчинной и помѣстной системы поземельнаго владѣнія. Последняя сначала служила дополненіемъ первой; вотчины точно также обязывали къ службѣ, какъ и помѣстья; у кого не было вотчины, тому давалось помѣстье; тѣ и другія конфисковались за преступленія противъ службы. Отсюда сближеніе помѣстной и вотчинной системы къ концу XVII вѣка, которое не могло бы имѣть мѣста, еслибъ оба эти вида поземельныхъ правъ также строго различались между собою по началу, какъ по внѣшнему виду.

Петръ Великій сдѣлалъ первую попытку высвободить въ Россіи государственное начало изъ-подъ тяготѣвшихъ надъ нимъ вотчинно-владѣльческихъ понятій и облечь его въ свойственныя ему формы. Но при немъ государство также всецѣло поглощало всѣ стороны общественной и гражданской жизни, какъ и до него. Частная поземельная собственность не могла, при такомъ взглядѣ, развиваться самостоятельно. Цѣлый рядъ ограниченій, которымъ она при немъ подверглась во всѣхъ отношеніяхъ, свидѣтельствуетъ, что Петръ Великій не видѣлъ въ ней самостоятельнаго начала, терпѣлъ ее какъ фактъ и безусловно подчиня-

няли требованія государственной пользы. Прошедшее при немъ смѣшеніе и слитіе помѣстьевъ и вотчинъ должно разсматривать съ этой точки зрѣнія. Оно не произошло вслѣдствіе намѣренія придать помѣстьямъ характеръ частной поземельной собственности, но вслѣдствіе коренныхъ преобразованій государственной и въ особенности военной службы, сдѣлавшихъ помѣстную систему ненужною. Не прежде второй половины XVIII вѣка, при императрицѣ Екатеринѣ II, частныя гражданскія права стали постепенно выдѣляться изъ безразличія государственнаго элемента, обнимавшаго всю жизнь, и получать самостоятельное существованіе. Право частной поземельной собственности дворянства, сложившагося изъ бывшихъ служилыхъ классовъ, признано только въ ея царствованіе за юридическій принципъ. Впослѣдствіи, уже въ самомъ началѣ XIX вѣка, право пріобрѣтать поземельную собственность распространено и на всѣ свободныя состоянія, а въ минувшее царствованіе начато предоставленіе его и несвободнымъ классамъ. Государственный и частный элементъ стали отдѣляться другъ отъ друга и получать каждый свое отдѣльное, самостоятельное существованіе, какъ органическіе элементы общественной жизни.

Наконецъ, исторія поземельныхъ правъ православной церкви точно также находится въ тѣснѣйшей связи съ общею ея исторіею въ нашемъ отечествѣ. Сначала церковь получала земли въ собственность отъ князей, потомъ стала обогащаться поземельными владѣніями и вслѣдствіе благочестивой щедрости частныхъ лицъ, отказывавшихъ въ церкви и монастыри земли и имѣнія, преимущественно въ духовныхъ своихъ завѣщаніяхъ, на вѣчное поминовеніе ихъ душъ по смерти. Изъ этого обычая образовалось мало по малу право церкви наследовать извѣстную часть изъ имѣнія умершихъ владѣльцевъ, а когда они не оставляли послѣ себя ближайшихъ родственниковъ, то и во всемъ имѣніи, съ исключеніемъ прочихъ наследниковъ. Это право или обычай исчезли, кажется, во второй половинѣ XVII вѣка; а въ половинѣ XVIII столѣтія, при императрицѣ Екатеринѣ II, поземельныя владѣнія церкви обращены въ казенное вѣдомство.

Въ тѣсной связи съ этимъ развитіемъ общественныхъ и государственныхъ элементовъ совершалось у насъ развитіе *семейныхъ и родственныхъ отношеній*.

Пока роды и семьи жили совершенно отдѣльно другъ отъ друга, во взаимномъ отчужденіи, представляя собою какъ бы

маленькія независимыя государства, принадлежность къ тому или другому роду или семьѣ опредѣлялась не близостью родства, а фактомъ сожителства. Кто отдѣлялся отъ семьи или рода, тотъ и переставалъ принадлежать къ нему. Жены приобрѣтались покупкою дѣвицъ изъ чужихъ родовъ, или отнимались у нихъ наѣздомъ и открытою силою; въ томъ и другомъ случаѣ онѣ переставали принадлежать къ семьѣ, изъ которой вышли и поступали въ составъ новой семьи, которая поглощалась или совокупностью рода или заслонялась личностью одного домовладыки. Все, что принадлежало семьѣ, составляло общую ея собственность; особливо земля не дѣлилась между членами рода по началамъ личной собственности, но находилась или въ общемъ владѣніи, или же не болѣе, какъ во временномъ пользованіи членовъ рода.

Съ образованіемъ общественныхъ союзовъ изъ родовъ и семей, во внутреннемъ бытѣ послѣднихъ должны были постепенно произойти важныя перемены. Самостоятельность семей и родовъ по внутреннему распорядку и дѣламъ продолжалась еще долго послѣ того, какъ прекратилась прежняя ихъ взаимная отдѣльность и отчужденность; также долго внутренній ихъ бытъ оставался прежній, безъ существенныхъ измѣненій; но сожителство семей и родовъ, постоянныя ихъ сношенія между собою по общимъ дѣламъ и происшедшее вслѣдствіе того взаимное ихъ сближеніе, должны были, мало по малу, ослабить ихъ внутреннюю замкнутость, уменьшить значеніе топографическаго сожителства и вмѣсто него выдвинуть на первый планъ, какъ мѣрило связи и единства, — узы родства и свойства. Такимъ образомъ естественныя, природныя связи обозначились яснѣе и стали опредѣлять семейное и родственное единство, независимо отъ сожителства въ одномъ мѣстѣ, иначе сказать: топографическій характеръ семей и родовъ постепенно утратился и вмѣсто того они стали преобразовываться въ союзы лицъ, соединенныхъ между собою общимъ происхожденіемъ или посредствомъ браковъ, независимо отъ того — живутъ ли члены этихъ союзовъ вмѣстѣ, или отдѣльно другъ отъ друга.

Сообразно съ этимъ новымъ значеніемъ семей и родовъ, и внутренній бытъ ихъ, съ теченіемъ времени, долженъ былъ измѣниться. Съ тѣхъ поръ, какъ принадлежность къ семейству или роду стала опредѣляться не сожителствомъ, а родственными связями, общинное владѣніе землею членовъ семьи или рода

по необходимости перестало быть характеристическимъ признакомъ семейнаго и родоваго быта. Отдѣлившіеся члены ихъ могли имѣть свою особливую личную собственность; въ послѣдствіи и общая родовая поземельная собственность стала дѣлиться между ея владѣльцами, членами семей и родовъ. Отъ сближенія родовъ и семей въ общественномъ союзѣ стало также постепенно ослабѣвать понятіе, что женщина, вышедшая замужъ въ другой родъ или семью, становится совершенно чуждою той семьѣ или роду, въ которомъ она родилась и воспитывалась. Напротивъ, браками должны были устанавливаться прочныя родственныя связи и отношенія между семьями и родами; съ тѣмъ вмѣстѣ покупка и увозъ невестъ замѣнились выдачею ихъ замужъ по сговорамъ, съ приданымъ.

Дальнѣйшее развитіе этихъ новыхъ началъ семейнаго и родоваго быта, какъ и самое появленіе ихъ, опредѣлилось историческимъ ходомъ общественныхъ и государственныхъ элементовъ, поередіи которыхъ они образовались. Въ массахъ народа долго продолжали жить старыя основы первоначальнаго быта, медленно уступая новымъ условіямъ общности; только семьи и роды были многочисленны или, напротивъ, легко раздроблялись на свои составныя части, смотря по тому, благоприятствовали обстоятельства прочности правовъ и осѣлости или мѣшали имъ. Но въ семьяхъ и родахъ, выдѣлившись почему либо изъ народныхъ массъ и принимавшихъ дѣятельное участіе въ государственной и политической жизни, новыя начала должны были водвориться раньше и быстрѣе. Члены этихъ родовъ и семей по своему положенію рано были призваны къ индивидуальной дѣятельности, рано должны были жить и дѣйствовать розно, а не въ общемъ семейномъ или родовомъ составѣ. Таковы были у насъ княжескія и другіе знатныя роды, въ особенности тѣ, которые вошли въ княжескія дружины и въ послѣдствіи образовали московское вельможество и служилые чины московскаго государства. Въ этихъ слояхъ древняго русскаго общества преимущественно выработалась индивидуальность членовъ семей и родовъ, личная поземельная собственность, юридическія отношенія между членами родовъ и семей по началамъ родства; къ нимъ почти исключительно относились древнія законодательныя постановленія гражданскаго права. Весьма понятно, что всѣ эти начала опредѣлялись, съ одной стороны, естественными элементами, лежащими въ самыхъ родственныхъ и брачныхъ связяхъ,

а съ другой, государственною жизнью и ея потребностями, которымъ семьи и роды должны были подчиняться и сообразно съ которыми семейныя и родственныя отношенія юридически устанавливались такъ или иначе.

Изложенными выше условіями нашего общественнаго и государственнаго развитія и развитія отношеній между членами семей и родовъ долженъ былъ опредѣлиться и порядокъ законнаго наслѣдованія. Находясь въ тѣснѣйшей связи съ этими условіями, онъ могъ измѣняться только въ соотвѣтствіи съ ихъ измѣненіями, такъ что, не имѣя даже никакихъ историческихъ извѣстій о постепенномъ развитіи нашего наслѣдованія по закону въ разныя эпохи, мы могли бы вывести его, въ главныхъ чертахъ, изъ одного соображенія общаго хода развитія нашего внутренняго быта. Къ счастью, дошедшіе до насъ отрывочные факты даютъ намъ возможность возстановить картину этого развитія не только въ общихъ чертахъ, но и съ нѣкоторыми подробностями, обозначающими переходныя фазисы историческаго процесса, недоступныя для апіористическихъ выводовъ и заключеній.

Разсмотримъ эти данныя, держась по возможности ихъ хронологической послѣдовательности.

Первое извѣстіе о наслѣдованіи по закону у нашихъ предковъ встрѣчается въ договорѣ Олега съ греками 911 года. Здѣсь сказано, что если кто изъ руссовъ, служащихъ въ Греціи у императора, умретъ не урядивъ своего имѣнія и у него не будетъ своихъ, то имѣніе должно быть возвращено въ Русь къ ближнимъ его («малымъ» или «милымъ» ближикамъ). Русянь, убившій христіанина, или христіанинъ, убившій русина, долженъ умереть на мѣстѣ, гдѣ совершилъ убійство; но если онъ убьютъ и у него есть имущество, то послѣднее получаетъ ближній убитаго, а жена убійцы тоже получаетъ свою законную часть («толцѣмъ же прибудеть по закону»).

Это извѣстіе очень интересно, какъ первое, но оно ничего не объясняетъ. Кто такое ближніе, наслѣдующіе послѣ умершаго или убитаго, и какимъ образомъ они наслѣдуютъ — неизвѣстно, а въ этомъ-то вся сила. Свидѣтельство о томъ, что жена получаетъ законную часть послѣ мужа, тоже возбуждаетъ множество вопросовъ, на которые нѣтъ отвѣта. Во-первыхъ, какая это законная часть? Очень можетъ быть, что здѣсь разумѣется собственное имѣніе жены и что о наслѣдованіи ея послѣ мужа